

ГЕОРГИЮ ВЛАДИМОВУ — 90 ЛЕТ

От публикатора | Почти все печатающиеся письма или их копии находятся в архиве Forschungsstelle Osteuropa при Бременском университете. Я хотела бы выразить свою благодарность архивистке Марии Классен за ее неоценимую помощь в подготовке этой публикации. Особая огромная благодарность — Наталии Дмитриевне Солженицыной, предоставившей для публикации письмо А.И. Солженицына из архива писателя. Я хотела бы поблагодарить за предоставленное право публикации писем, а также помощь с комментариями Марину Владимову, Андрея Немзера, Марию Орлову, Александру Попову (Бакланову) и Нину Ставискую (Серман).

Эта публикация была бы невозможна в условиях пандемии и закрытых библиотек без помощи редактора «Знамени» Станислава Секретова, архивиста *per excellence* Габриэля Суперфина, моих друзей Виктора Кельнера и Ильи Симановского, сотрудников радио «Свобода» Дмитрия Волчека и Ольги Широковой, а также незнакомых мне, но отзывчивых Дмитрия Азиатцева и Данилы Дубшина, приславших информацию и сканы нужных текстов. Им всем — искреннее спасибо!

«Миф всегда сильнее правды...»

избранные письма о романе Георгия Владимова «Генерал и его армия»

РАИСА ОРЛОВА И ЛЕВ КОПЕЛЕВ — ГЕОРГИЮ ВЛАДИМОВУ И НАТАЛЬЕ КУЗНЕЦОВОЙ

Совместное письмо Раисы Орловой и Льва Копелева написано после прочтения ими в журнале «Грани» главы «Три командарма и ординарец Шестериков»¹. Письмо Раисы Орловой напечатано на пишущей машинке, занимая две полные страницы и по полстраницы на трех листах. Вторая половина этих трех листов занята огромными буквами размашистого почерка Льва Копелева.

<Раиса Орлова>
1985

5 сент.

Дорогие Жора и Наташа!

Мне очень трудно начать это письмо, но знаю, что, если не выплеснуть сразу же, все уйдет, испарится, и уже никаким усилием памяти не вернуть мне сегодняшнего утра...

Как мы и сказали по телефону, журнал я почти с начала до конца прочитала — с радостью, с «узнаванием» эмоциональным, чего так остро недостает, читая здешние журналы и газеты.

И рано утром, Лев еще спал, я открыла главы из романа. И все исчезло. Надо было готовить завтрак, надо было заниматься своими срочными делами, надо было отвечать на телефонные звонки, распечатывать многочисленные конверты, затопляющую наш дом почту — ничего. И никакой книги передо мною тоже не было.

Я ЖИЛА в другом мире. Я мерзла вместе с Шестериковым, я, как и он, много времени (именно времени — а вовсе не страниц!) не могла войти в госпиталь — запах гноя, первый для меня — уже в реальности запах войны (я работала в челюстном госпитале).

Ни в чем описанном я не принимала участия, я не была на фронте, я жила в Москве до 16 октября, когда нас, как и все учреждения, эвакуировали. Я не только ничего не знаю о Гудериане² (кроме имени, конечно!), я и не думала никогда, что вообще мне будет важно войти в его внутренний мир... Словом, я та самая читательница из миллионов, для которых и пишутся книги, — ведь очевидцев становится все меньше. И я поверила всему, с первого до последнего слова. Нет, опять не то. Поверила — это потом, и про это потом. Я эти часы, пока не закрыла (с сожалением) книгу, жила в ином времени и совсем в ином душевном состоянии. Пусть Лев, если захочет, расскажет о том, как я вошла в спальню, совершенно зареванная, но — впервые за многие месяцы — счастливые были слезы.

Я счастлива, что Россия — моя родина. Спасибо, что снова и сильнейшим образом дали мне ощутить, разделить, снова и снова знать — эта глубоко несчастная страна все равно для меня была и будет до смерти самой лучшей на белом свете. И я счастлива, что есть писатель, который так все это за меня, от моего имени, для меня выразил, что чудо под Москвой и просто чудо (мне жаль — это уже теперь, когда я пишу, — что есть фраза в лоб, что Власов — автор этого чуда, ведь оно все же и мистическое, и его-то и выражает Толстой. Одна фраза из другого стилистического ряда).

Я вижу всех, и я ощущаю, как связаны эти двое, больше ощущаю со стороны Шестерикова, а не генерала. Мне еще жаль, что вы его назвали Шестериков, не будут ли это ассоциировать с жаргонным «шестерка»? — а ведь он-то никакой не шестерка, хоть и мечтает нормально об Апрелевке. Потрясла меня сцена на площади, когда трупы из нашей тюрьмы, и как мы, — именно мы, хотя я там не была, я и тогда, и сейчас так ощущала: «Не надо, это не ваше, это наше...» — и никакой к ним благодарности, даже если исключить, — а как это можно исключить? — их собственные страшные жестокости.

Я ведь еще и вовсе не знала, что Андрей — это Власов, а уже была благодарна автору (знаю, что упрямому атеисту, и этим — не атеизмом, а верностью себе, тем, что не поддается никаким модам, — и этим дорогому...) за икону, за эти важные слова, опять же за историческую память. Попробовать докопаться до того, КАК БЫЛО. Но и у Вас, как и у великих предшественников, никогда в литературе

на самом деле это не критерий, просто в нашем сознании, что бы там ни говорили генералы-участники 1812 года, навсегда останется Толстой, миф всегда сильнее правды, но, если миф — в самом высоком значении — растет из правды, из стремления к ней, а не из партийных соображений, тут уж для искусства совершенно безразлично, какая именно партия.

Вот сижу за машинкой, и это вечное грызущее, горестное сознание невыразимости. Я испытала счастье, вот и надо сказать автору — Георгию Владимову спасибо за счастье, и перестать мудрствовать. Но столько расшевелило во мне это чтение. И мою осень 1941 года, я ходила к Мавзолею прощаться... ладно, это уже другое, это моя жизнь, которая все чаще с годами кажется мне не то, что чужой, но прожитой другим человеком.

Может быть, еще скажу вот о чем: немцы в Ясной Поляне. Во-первых, я этого ждала, была уверена, что поднялось и былое чувство — осквернения, но как же замечательно это написано! И Гудериан за столом Толстого, и все, что происходит в его душе... Еще к той фразе про чудо. Ведь когда я читала про лавину отступления, я все равно — и не потому, что я знала про то, что было в декабре, а из самих страниц — над страницами стелется то самое нечто, что и является чудом, что вырастает из всей обыденности войны, из грязи и крови, из горбушки, заначенной Шестериковым, разделенной с милиционером, из мата, изо всего — чудо жизни, ее непредвиденность, чудо России, и чудо русской литературы.

Не знаю, где были написаны эти страницы, в Москве или Голландии³. Но ведь прежде, и когда я училась, и когда сама учила других, для меня фразы «Мертвые души» написаны в Риме, а «Идиот» во Флоренции, были проходными фразами, а сейчас они наполнились не только зрительными впечатлениями, я видела эти дома — но просто эмиграция наполняет все это своим содержанием... Так что это все равно. Важно, что книга написана и КАК. Это общий наш всешний праздник, что такое есть...

Очень хочется, больше, чем хочется, прочитать сразу все, что дальше. Поймите, тут нет никакого интереса к событиям, просто я уже с этими людьми живу, прожила долго, как им дальше...

В той части, что была опубликована в «Континенте», у меня вопрос — можно сказать и разногласие⁴. Видите, как тут и интонация меняется — хотя и там я не оторвалась, пока не кончила, но нарастало ощущение, что ИХ всесилие перенесено на эпоху раньше.

Тут, собственно, трудно спорить. Но и гораздо позже я не жила в стране, где смершевец, чекист стоял за каждым кустом, не говоря уже — за каждым человеком. Мы недавно по другому поводу спрашивали друг друга: вот наша квартира в Москве. Вы знаете все внешнее, отключение телефона, разбитые окна, перехват почты. Быть может, не знаете, что несколько человек из не самого близкого окружения (за

одним исключением) вызывали. Но, вот мы спрашивали друг друга: а кто был приставлен? кто ходил в наш дом со спецзаданием? И отвечаем: мы таких не знаем. И уверены — это не наша глупость, легкомыслие, наивность — как хотите называйте. Просто в среде наших настоящих друзей не было ИХНИХ людей.

...Разговор Шестерикова со Светлооковым — замечателен. Во всем, в каждой детали. Да и те «вербовки» точны, и с девицей, и с другими. Быть может, дело в их «сгущенности», что ли? Как бы то ни было, вопрос остался тогда, хотя прочитанное (а сейчас из моей все более дырявой головы улетучивается с невероятной быстротой) — многое запомнила. И еще с самого давнего чтения запомнила, как едут в Москву генерал и ординарец...

...книжка в «новомирского» цвета⁵ обложке принесла несколько часов полного счастья. Как это невероятно много в нашем мире, исполненном несчастий!

Спасибо Вам!

Ваша Рая Орлова

Еще несколько слов (как от книги не могла оторваться, так теперь не могу оторваться от этого письма, а между тем, нужно срочно разогревать обед, слава Богу, что не готовить, вчера сделала), мы едем в Эйфель к Аннемари⁶, уже один раз были между поездками. Сговорились на сегодня.

Лев обещал по оставшимся двум страницам записок Белля про Обломова пройтись и на этих днях пошлем⁷. А письмо — сразу, потом начну мяться, жаться, станет неловко, и все прочее.

Добавить же в письмо мне вот еще что захотелось: здесь все более укрепляется у меня убеждение, что из ненависти (пусть оправданной, пусть священной и др.) рождается только ненависть, и — как у Вас сказано, замкнутый круг, преступление — месть и так — дурная бесконечность. Только доброта может действительно спасти мир, нас, каждого в отдельности. И я так счастлива была этой разлитой и недекларируемой добротой. Ведь как же естественно было Шестерикову бросить — сто раз — своего раненого генерала... И многое другое.

Тут хочу повторить сказанное по телефону: благодарна и редактору — за редчайшими исключениями для него: в на редкость спокойно умной статье не может Поповский не лягнуть Ильфа и Петрова⁸. Надо бы поместить рецензию на прекрасную книгу «Край непуганых идиотов»⁹. Мало кто знает, что на тех страшных «присоединительных» письмах требования расстрела в 1937 году, где есть подписи Тынянова¹⁰ и еще многих достойных людей, ни на одном нет подписи ни Ильфа, ни Петрова. Это только один факт... Благодарна, что в этом номере сильно ощущается, что Вы и на самом деле не разделяете слов Ленина: прежде размежеваться, а потом уже объединяться...¹¹ Этот номер выполняет роль объединительную, и

здесь, и с нашим континентом, с нашей родиной. И ничего более важного, по-моему, и нет. Вот этот дух Твардовского (в лучшем, что у него было) как бы прекрасно сохранить. Дай Вам обоим сил!

Обнимаю, теперь уже конец.

<Лев Копелев>

Дорогие Наташа и Жора!

Что я еще могу сказать? Сегодня Рая меня разбудила и — буквально со слезами стала говорить именно то, что потом написала. Ты написал отличную, замечательную, поэтическую и добрую книгу. И сколько бы я ни придирался к подробностям, меня мой читательский опыт — да и чужой исторический — научили: правда художника всегда выше, прочнее долговечной правды историка, «спеца», очевидца или соучастника. Ты — художник Божьей милостью и к тому же добрый художник. Этим ты подкупаешь, покоряешь и таких придиричивых очевидцев-соучастников, как я. Генералы, которые обличали Толстого во множестве ошибок, почтили в мире, а миллионы людей и сегодня, больше, чем век спустя, верят Пьеру Безухову и толстовскому Кутузову и мало кто — один из 10 миллионов — интересуется, как было «на самом деле». Вот Солженицын, например, точненько воспроизводит движения армий, стенограммы, думские трения, дневники и письма царя, но он одержим не столько художественной, сколько идеологической «сверхзадачей» и все больше уступает недоброй, слепо злой силе своих сугубо рассудочно построенных, сознательно неправдивых исторических схем. И поэтому все больше теряет, как художник. Но все «узлы» и доработанный (переработанный) «Август» я уже просто не могу читать. Обидно до боли наблюдать оскудение, вырождение такого большого дарования. Но это уже другая тема. А тебе, дорогой, исполать и спасибо! Ждем, ждем, ждем и полный текст и вас обоих в гости.

Обнимаю крепко-крепко,

ваш Лева

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ — РАИСЕ ОРЛОВОЙ И ЛЬВУ КОПЕЛЕВУ

Дорогие Рая и Лева!

Читаем письмо ваше — и никак не начитаемся, так много в нем дорогого для нас, ответного, рожденного первым движением души, о чем даже Сельвинский сочинил гениальные строчки: «Это великий читатель стиха услышал боль своего поэта...»¹². Ни начала, ни дальше не помню.

Наташа, естественное дело, поплакала (у нее всегда слезы на глазах, когда «ее Жорика» хвалят), ну а я, «упрямый атеист» (вовсе не атеист, а наверное, агностик), вдруг осознал особенно четко, что мне, видно, все-таки что-то удалось... Не каждый же получает такие письма от читателей-коллег. Мне радостно, что вы именно так меня поняли — что книга вырастает из доброго, но и горького сознания, что наша страна Россия, нас отринувшая, была, есть и, наверное, надолго еще останется и самой прекрасной, и самой удивительной, и самой несчастной. И это дошло до железного Гейнца, волею судьбы прикованного к столу Толстого, как будто к пыточной дыбе, и отступил-то он не перед «тридцать-четверками», а перед «безвестным Кошкиным» из шарашки¹³, не сталинских генералов убоялся, а Наташи Ростовой, взбалмошной «графинечки».

Об одном я так сильно сейчас сожалею, читая ваше письмо, — что этой главы не дождался Генрих Белль¹⁴. Станным покажется, но я писал это, держа перед глазами его замечательное солдатское (а вовсе не «бабье») лицо. Ах, как хотелось ему показать — хоть в переводе, хоть в Левином пересказе.

Я всегда тщательно подбираю фамилии, и Шестериков — едва ли не главное лицо, вокруг которого все и вертится (Платон Каратаев, но только этой войны) — да, конечно, от «шестерки», и это в нем есть, но также и от «шестеренки» — в отлаженном механизме армии, государства, то есть вещи необходимой, без которой никак, ничто не вертится.

О Солженицыне я тоже постоянно думаю — ведь он проложил мне пути, показал — как не надо¹⁵. Кому они нужны, эти истинные передвижения армий? — на самом деле, никогда не истинные! никто их не помнит досконально, и даже документы один другому противоречат — стало быть, наполовину врут. А между тем, военные сюжеты, как никакие другие, страшно зависят, скажем, от рельефа местности (была ли река справа или слева, были холмы в 200 или 300 метров высотой) и от погоды (был ли дождь или пыль в глаза). Так он должен был придумать свой рельеф и свою погоду, как удобно ему, художнику, для его замысла. Я писал книги за генералов, и я знаю — для них истина не то, как происходило, а — как запомнилось. А это уже и есть миф, который сильнее действительности.

И еще одно бесконечно жалко — зачем он себя так связал (хочется сказать — «повязал») этой бесконечной, громоздкой, не столь уже необходимой человечеству работой, где, в сущности, так мало нового сказано? И это — при том, что существует «Клим Самгин» (ненавистного Горького) и «Тихий Дон» (который так хочется отделить от ненавистного Шолохова), что, наконец, сам он имел счастье воевать артиллерийским капитаном чуть не всю эту войну. Такое впечатление, что испугался, уклонился, дезертировал.

Что ж... Как сам же он сказал в предисловии к «Августу», так и я осмеливаюсь повторить: «Стало быть, мне поднимать...».

Очень хочется повидать вас и выслушать все до единого «частные замечания». Ведь текст — не окончательный, и многое я выпустил для журнального варианта. Например, что Гудериан в том егерском батальоне был еще «фекрихом»¹⁶ (что-то вроде нашего юнкера), что там хранились его винтовка и пилотка, и на поверках фельдфебель ежевечерне выкликал: «Гудериан Гейнц!», а правофланговый отвечивал: «Отсутствует по уважительной причине — командует нашей 2-й танковой армией»¹⁷. Может быть, от этого стало непонятнее, почему солдаты с ним — «на ты». Ну, и еще Катынь осталась за бортом — ведь это он ее брал, и за нее ожидал петли в нюрнбергской тюрьме¹⁸. Покуда это как-то не привязалось, но, надеюсь, со временем привяжется — к орловской тюрьме с ее трупами¹⁹.

Не хочется на трупах обрывать, хочется — во здравие! Сейчас мы в Мюнхен рванем, исполнлось 10 лет «Верному Руслану», и «Свобода» хочет повторить передачи, но с привлечением автора²⁰. Это денька на три-четыре, а после уж к вам.

Спасибо огромное за письмо! Крепко обнимаем, целуем, желаем лишь одного, банального — здоровья.

Ваш Г. Владимов
10.9.85

ИЛЬЯ СЕРМАН — ГЕОРГИЮ ВЛАДИМОВУ

10.09.88. Нью-Йорк
Дорогой Георгий Николаевич!

Здесь, на даче под Нью-Йорком, мне удалось прочесть отрывок Вашего романа в «Континенте» № 56²¹. Скажу прямо, ничего подобного об этой войне я не читал даже у Гроссмана. Ощущение необыкновенной убедительности и правды всего, Вами увиденного сквозь полустолетие, удивляет и завораживает. И сразу складывается впечатление, что иначе это, о чем Вы писали, происходить не могло.

Вам удалось посмотреть на войну с некоей общей, а не только русско-советской точки зрения, и это дало Вам как писателю огромные возможности видеть во все стороны света²².

Я в свое время читал у Вас о Гудериане, и поразили силе и правдивости этого эпизода.

Надеюсь, Вам работается, несмотря ни на что! Мы будем здесь до 15 октября, а потом в Иерусалим.

Желаю Вам и Вашей жене всего хорошего!

С искренним уважением,

И. Серман

АНДРЕЙ НЕМЗЕР – ГЕОРГИЮ ВЛАДИМОВУ

7 июня 1994

Многоуважаемый Георгий Николаевич!

Сегодня, после огорчительной задержки, пришел ко мне пятый номер «Знамени» с окончанием Вашего романа²³. А послезавтра в Германию есть okazия, поэтому пишу сразу по первопрочтению. Уже первая часть меня ошеломила. То есть я никогда не сомневался в том, что книга получится, но такого все же не предполагал. Было ощущение чуда. Настоящего и неповторимого. Как в детстве-отрочестве, когда читаешь впервые «Капитанскую дочку», или «Три мушкетера», или «Хаджи-Мурата», или «Принца и нищего». Поразительная убедительность. Разом чувствуешь: все так и было и — это не менее важно — только так про это можно рассказывать. Есть банальное речение про наилучшие слова в наилучшем порядке. Обычно их поминают в разговоре о стихах. У меня они вызывали профессиональную иронию. Видимо, и дальше вызывать будут. Но читая, я был буквально обречен на такое восприятие: лучшие слова в лучшем порядке.

Вы и без меня знаете, как неожиданно взрываются у Вас финальные эпизоды, как все переворачивается, оставаясь на местах. Но все-таки не могу обойти чисто сюжетной энергии, того потрясения, которое испытываешь, добираясь до Поклонной горы и разворота на 180 градусов. Оценишь тут переименованное издательство «Правда»²⁴, прометелившее номер почти месяц. Теперь (исключая случаи раритетные) уже никто не будет читать «Генерала и его армию» так, как читали его подписчики. Лакуна между частями, тяжесть ожидания, невероятные предположения, оплакивания Кобрисова. Читая подряд, не успеешь притормозить, соскучиться, накрутить своего. Это удовольствие пополам с мучением только для нас. Кстати, сразу после выхода 4-го номера я попросил Чуприна верстку: НЕ НАШЛОСЬ. Все разобрали, так что, скорее всего, рецензии не задержаться. Я тоже намерен писать — должность такая²⁵. Постараюсь что-нибудь понять и как-то объяснить. Хотя страшно. Рецензию пришлю, если обнаружу okazию, а пока просто восхищаюсь и поздравляю Вас, как могу, изо всех сил.

Я совсем неплохо (даже хорошо) отношусь к сегодняшней российской прозе (от поэзии и критики скучно), но все равно то, что Вы написали, вызывает какие-то особенные чувства. Случилось что-то большое и прекрасное. Кстати, показательный пример. Один из моих ближайших друзей, очень хороший историк литературы и просто

замечательный человек, постоянно измывается надо мной — за мою приверженность к новейшей словесности, что, по его мнению, мертва безнадежно. Измываться-то измывается, но (в отличие от других-многих) журналы читает. После первой части «Генерала и его армии» он сбавил тон и честно признал: да, прекрасно. Правда, тут же оговорился: общий взгляд остается неизменным, словесности нет, а есть Владимов (как прежде не отрицал он величия Солженицына). А я думаю, что если «Генерал и его армия» появились, то все будет хорошо. Что-то значит эта книга не только для ее автора и читателей, но и для общего контекста, все-таки она (кроме прочего) и свидетельство неистребимости русской литературы.

Простите сумбур и патетику, но впечатления слишком сильны. Большое Вам спасибо. Желаю всего самого доброго Вам и Вашим близким. Надеюсь («Знамя» гордо анонсирует) прочесть повесть.

До свидания. С уважением,

*А. Немзер*²⁶

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ — АНДРЕЮ НЕМЗЕРУ

25 ноября 1994

Дорогой Андрей Немзер

(по-прежнему не знаю Вашего отчества),

Своевременно или несколько позже, но дошли до меня и Ваше письмо июньское, и статья в «Сегодня», и даже прислали текст Вашего выступления по «Свободе»²⁷, которого я не слышал. Было собрался Вам отписать, но тут пошла еще критика на «Генерала» (сказывают, по нынешним временам это редкость), и хотелось знать, «чем сердце успокоится». Ну, вот теперь, с выходом статьи Аннинского в «Новом мире»²⁸, кажется, улеглось в целом благополучно для автора. Общее благосклонное отношение тем более удивительно, что между собою цапались критики довольно непримиримо — Вы с Басинским²⁹ и Бондаренко³⁰ с Вами.

Ваша оценка, самая высокая («великий роман»), не прошла незамеченной в наших Тьмутараканях и произвела некое завихрение. Эта оценка, немало меня смутившая, происходит, может быть, оттого что я назвал бы «эффектом Венеры Милосской». Отсутствие некоторых составных частей заставляет предполагать в целом, возможно, и не существующие достоинства, больше того — даже отторгает эти части, как уже и не обязательные (хоть Вы и замечаете, что «истории... остаются недорассказанными», но это общему восприятию как будто не мешает). Я имел счастье видеть саму Даму в Лувре и видел рисунки с пятью вариантами — как ее укомплектовать конечностями (5 за 23 столетия — небогато, но у скольких еще, извините за каламбур, руки опустились перед такой задачей!).

Варианты разные: Венера смотрится в зеркало, держит какую-то ветвь, прихватила упдающие одежды и т.п. — и все они хуже безрукой. Этот эффект знают киношники, и я знаю: когда смотрели отснятый материал по моей «Большой руде»³¹ (Господи, да помните ли Вы, что была такая повесть и по ней фильм?) — еще не смонтированный, с фонограммой, записанной, при уличных шумах, под стрекот мотора и проч., то девушки-монтажницы даже прослезились. А когда все почистили, сляпали, причесали, озвучили в тон-студии, подложили музычку и т.д. — тут и исчезло волшебство. И не возвращалось ни при каких стараниях.

Ваша статья тоже содержит попытку приделать руки — и любопытно, что шансы Кобрисова Вы в ней рассматриваете уже куда пессимистичнее, чем в письме, там-то слышался даже вздох облегчения. Разумеется, от Поклонной едут на погибель, ведь никакой армии у Кобрисова уже нет, он играет со смертью, за такое его возвращение эти бандюги, считающие, что с ним «хорошо расплатились», его по голове не погладят. И как читатель очень внимательный (Твардовский сказал бы — «квалифицированный») Вы ощущаете опасность и угадываете расправу довольно точно: «перевод на другой фронт... чекистская ликвидация без приговора... налет вражеской авиации». В общем-то, здесь ничто ничему не противоречит, нет места для «или» — Чибисова, с кого во многом списан Кобрисов, и убили как полководца, переведя на другой фронт и давши другую армию, которая была уж точно не его. Я бы сказал, Вы верно чувствуете само дыхание гибели, притом — неминуемой; что же касается конкретных примет, то, в сущности, у автора, обладающего некоторой сюжетной ловкостью, многое может обернуться «кстати» — скажем, вроде бы случайно оброненное, что Светлооков был хорошим корректировщиком огня, но ему еще не приходилось вызывать его на себя³². Очень смешна уверенность Бондаренко, что раз генералы, едучи к войскам, не простуживаются, то все будет о'кей³³. Я думаю, за всю французскую революцию по дороге к гильотине никто насморка не схватил.

Есть в Вашей статье одна неточность — Мырятин обороняли не власовцы, просто русские, власовцы на территории СССР не воевали, об этом можете прочесть мое послесловие к очерку неизвестного мне Леонида Решина в № 8 «Знамени»³⁴: там, к слову сказать, найдете и продолжение некоторых генеральских судеб. Тогда, в войну, после власовского манифеста³⁵, всех огульно стали звать его именем и так это по сию пору и осталось. А казнили его с товарищами совершенно ни за что, их бы наградить полагалось³⁶. Слава Богу (и Сергею Чупринину с Натальей Ивановой), что дали это высказать.

Зато я Вам благодарен, помимо всего прочего, и за то, что не произвели фамилию «Шестериков» от шестерки. Забыто у нас слово «шестерик» — запряжка лошадей цугом в три пары; так они тащили

дорогие кареты и дилижансы, но также и тяжелые орудия — даже в Отечественную, когда тягачи увязали в трясине. Мне кажется, что фамилия выбрана верно, поскольку Шестериков соединяет в себе черты и слуги, и воина.

К сожалению, Вашу статью мне прислали в ксерокопии, поэтому не могу ничего сказать о Вашей газете. Пишет Лев Наврозов³⁷ в лос-анджелесской «Панораме», что у «Сегодня» тираж 8 тысяч, но что-то не верится. Наврозов — человек увлекающийся и собственными концепциями, и взятой с потолка информацией.

Несколько дней назад позвонили Чупринин с Ивановой, приглашают в Москву. Оплатят нам с женой дорогу и где-нибудь поселят. Предположительно в середине января. Это если Битов возражать не будет, он ведь у вас там теперь большая руководящая шишка (сколько известно мне, это по его идее отняли половинку премии у Кибирова и отдали Дмитрию Александровичу Пригову)³⁸.

Так что встретимся — поговорим. Ехать — аж страшно, ведь 12 лет почти будет, как из белокаменной уехали!

Еще раз позвольте поблагодарить за добрые слова и за всю Вашу темпераментную статью.

Здоровья Вам и удач!

Ваш сердечно

Г.

Владимов

ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ — ГЕОРГИЮ ВЛАДИМОВУ

25.01.95

Дорогой Георгий Николаевич!

Мне, конечно, жаль было, что случай повидать Вас, поговорить, не сбылся. Хочу пожелать Вам полного выздоровления, если сердечный приступ был. Но я понимаю Вас, я бы тоже не поехал за премией³⁹, когда это безумие развязалось в Чечне⁴⁰. Одну из Ваших премий принял и передал на хранение я, другую Наташа Иванова, она же прочла факс⁴¹. Не скрою, я был тронут тем, что Вы про меня пишете, мне дорого Ваше мнение, тем более, что есть немного людей, чье мнение я ценю. Не сомневаюсь, что все дальнейшее, что я хочу сказать о Вашем романе, о Ваших книгах, Вы не свяжете с тем, что Вы обо мне писали; да я уже частично по телефону говорил о романе.

Из всех отъехавших или фактически выдворенных, изгнанных наших литераторов, я более всего ценю Вас. Солженицын не в счет, его «Архипелаг ГУЛАГ» — это особая статья, хотя он и не прозвучал у нас, как мог бы прозвучать: люди уже многое узнали, прочли. Нетленен «Один день Ивана Денисовича», рассказы — вот подлинное искусство. Пробовал я прочитать «В круге первом», которым когда-то (еще в

рукописи) восторгался, пробовал прочесть «Раковый корпус» (он мне и раньше-то не очень нравился, хотя я выступал в его защиту) — ни то, ни другое одолеть не смог. Не читаются, вот — абсолютный соцреализм, чего, наверное, он и сам не подозревает. Ну, а «Красное колесо» — это не по моим силам. Я даже в рукописи (а в рукописи запрещенное Вы знаете, как читается!), даже в рукописи не смог одолеть «В августе четырнадцатого». Отвратил язык, незнание войны. Да и откуда ему знать? В книге Решетовской есть его военная фотография: палатка, столик, стул, а сам он в офицерской кавалерийской шинели до пят и с разрезом до хлястика. С большими удобствами нужно было жить, чтобы иметь все это, да еще и жену выписать на фронт, будучи лишь капитаном. А всего показательней шинель: ею же укрыться нельзя из-за разреза. На фронте носили пехотные шинели, ими же и укрывались.

И вот, в связи со всем сказанным, поразительно, как Вы могли написать роман «Генерал и его армия»? При определенной требовательности к себе можно выверить подробности, изучить ход операции и т.д. Но человеку не воевавшему так почувствовать атмосферу войны, самое неосязаемое, если ты сам не пережил, так почувствовать и передать — это поразительно! И очень точна психология, психология людей этого времени. Прошел почти год, а у меня перед глазами и генерал Ваш, и Гудериан в Орле рядом с расстрелянными — очень сильная, глубокая картина. Гудериан и его танкисты в снегу... Да многое, многое. Литературной показалась только сцена в Ясной Поляне, где Гудериан штудирует Толстого, и автор помогает ему в этом.

А вообще роман Ваш — подлинное произведение искусства — оказался сильнее своего автора. Мне показалось, что конец читается не так, как был задуман, он гораздо сильнее. Да, Ваш генерал жалеет солдат, имеет мужество (редкое для военного человека мужество) отстаивать свой план операции до конца, пожертвовать должностью и т.д. Но у войны своя логика, более сильная, чем логика одного человека. И когда он обласкан в конце и ликует пьяненький... Короче, я за войну не видел и не знал генералов, которые бы жалели солдат. «Солдатики» вообще — да, но солдатом был для генерала тот человек, который обслуживал его. Это страшная школа, она готовит людей для одного из самых страшных дел.

Всем этим я хочу сказать только одно: очень хорошую книгу Вы написали, хочу, чтобы Вы как-нибудь подписали ее мне и моей жене Эльге Анатольевне⁴². Она большой Ваш почитатель.

Однако на этом «загадка Владимова» не кончается. Вы не сидели в лагерях, а «Верный Руслан», например, я ставлю в один ряд с бессмертным «Холстомером», с «Изумрудом». И шофером, сколько я знаю, Вы не были, а «Большая руда» — повесть удивительная, я не перечитывал ее с тех пор, а вот помню, многие сцены помню ясно.

И все эти три книги, каждая из которых становилась событием, выше, на мой взгляд, романа «Три минуты молчания»: а уж тут Вы все испытали, как говорится, на своей шкуре: и наплавались, и насмотрелись⁴³.

У Вас совершенно своя судьба в литературе, она опровергает многие сложившиеся представления. Но главное не то, что опровергаете, а то, что создано Вами. Не многим дано написать книгу, которой суждено остаться.

Вам дано.

Всего Вам доброго. Дружески жму Вашу руку. И, как говорится, дай Вам Бог. Пожалуйста, приветствуйте от меня Наташу.

Бакланов

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ – ГРИГОРИЮ БАКЛАНОВУ

30 марта 1995 г.

Дорогой Григорий Яковлевич!

Ваше письмо, сказать по чести, было для меня большей наградой, чем те премии, что пришлось принять Вам и Наташе Ивановой. Вы правы — кроме недомогания (из-за переменчивой германской погоды), удержала Чечня, ощущение нашей беспомощности, какое я испытывал в диссидентстве, когда мы писали бессчетные послания вождям, призывая вспомнить о государственном престиже, и ответом было «красноречивое молчание». Жалею, конечно, и я, что не встретились, но есть, в конце концов, Ваши добрые слова о моих писаниях, тем более весомые и дорогие для меня, что исходят от писателя-фронтовика, к тому же — квалифицированного читателя (как любил себя называть Твардовский). В пронизательности Вам не откажешь; действительно, Гудериан в «Воспоминаниях солдата»⁴⁴ ни слова не говорит о «Войне и мире», лишь где-то вскользь упоминает в числе материалов, читанных перед вторжением, но я подумал, что не мог же человек, сам книги писавший и не про одни танки, живя 26 дней в Ясной Поляне, не потянуться к полке — что же там пописывал хозяин усадьбы, и как-то соотнести это с реальностью. Вышло — литературно, и Вы это почувствовали.

Что же до «загадки Владимова», она чрезвычайно проста или ее вообще не существует. Все дело, наверное, в том, удастся ли автору создать свой воображаемый мир, более стройный, гармоничный — и оттого более убедительный, чем сама реальность. Вы знаете, эмигранты иной раз тоже пишут коллегам по поводу прочитанного, и самым приятным было для меня откровение такого рода: «Верится, что все было именно так, а не иначе». А я и не знал, как оно было, я только постарался себе это представить как можно зримее, опираясь

на прочитанное или рассказанное людьми воевавшими — от солдат до маршала (Мерецкова⁴⁵), на детство, прожитое в военных городках, на годы в суворовском училище, где воспитателями были еще горячие фронтовики, только вчера из госпиталя — у кого пальцы не сгибаются, у кого глаз не поворачивается в глазнице... Любопытно, что и все вы, фронтовики, приступили к теме войны лет через 10–12, и не только из-за цензурных препон, а что-то в вас самих должно было отстояться, должна была составиться у каждого своя война — может быть, уже и не та, что была на самом деле, но в русле некоей художественной концепции. Не говорю о Симонове, с его не столько писательской хваткой, сколько журналистской, но явление Виктора Некрасова выглядело уникальным, ведь он писал свои «Окопы»⁴⁶ чуть не в конце 1945-го. Однако ж, и это, я думаю, объяснимо: он встретил войну всех вас взрослее, 30-летним, к тому же имея два художественных образования — архитектурное и театральное, что, наверное, помогает выработке искомой концепции.

Построить свой мир в «Трех минутах молчания»⁴⁷ было трудненько из-за решения — может быть, ошибочного — писать этот роман от первого лица. Твардовский считал, что я себе попросту облегчил задачу, уклонившись от «дирижирования оркестром», и даже отказывался признать сие произведение романом, ибо роман от первого лица не свойственен русской прозе, предлагал назвать ему хоть один такой в XIX веке. Нашли ему такой — «Подросток» Достоевского. Но задачи я себе ничуть не облегчил, дирижировать все равно пришлось, только не своими руками, а руками матроса, видеть мир его глазами, говорить его устами, которые иных слов произнести не хотят или не могут. А сверх того, пришлось слишком много объяснять читателю из области судовождения и такелажа. Удивительно лишь то, что «Три минуты» оказались самой читаемой из моих вещей, чуть не на первом месте в 1970–1971 годы, даже превзойдя кочетовский роман «Чего же ты хочешь?»⁴⁸ Помните такой?

Можно представить себе восторги Солженицына, дорвавшегося до архивов, всяко лыко лезет в строку. Читатель терпеливый, я ведь одолел-таки его «Колесо», не переставая удивляться: наряду с эпизодами очень сильными — провалы, обрывы сюжетных линий и судеб, неумное цитирование газет и думских протоколов. Но про его незнание войны мне судить трудно. Читая «Август», казалось мне, что все это он знает: и что такое бой, и жизнь штабов, и мироощущение командующего армией. Вероятно, впечатление его незнания происходит от завала подробностей и слишком послушного следования «правде истории». Военная проза, не мне Вам говорить, сюжетно очень зависима от пейзажа, ландшафта, от времени года, от погоды: ну, так надо было свой пейзаж выдумать, свою погоду, даже свою дислокацию войск, а то ведь получается скучнейшее

передвижение таких-то дивизий из пункта А в пункт Б, даже и не дивизий, а номеров. И приложенная карта не спасает от скуки. Знал ли он войну не как писатель, а как человек, офицер? Странна мне эта звукобатарейка — бывший артиллерист Василий Ордынский, с которым делали в кино «Большую руду», что-то не слышал про такое. А генерал Григоренко рассказывал мне, как он подбивал Александра Исаевича написать об Отечественной, потягаться с толстовской эпопеей, а тот лишь отмахивался: «Какая у меня была высота наблюдения?». Звучит не очень убедительно — а какая она была у Толстого? — и похоже, как-то не сильно А.И. был этой войной задет. А шинели кавалерийские я хорошо помню — моя мать до войны преподавала русский язык и литературу в кавалерийском училище в Харькове — так там по кромке разреза шли маленькие пуговицы для застегивания, их тоже драили зубным порошком на фанерке с прорезью. Особое пижонство — чтоб блестело на заднице! Но, поди, все же продувало между пуговками?

О шинелях я говорю, поскольку вижу, что Вы не потеряли вкуса к деталям, говорящей о человеке больше, чем, быть может, ему хотелось бы. Сколько их было! — и каких! — в «Иване Денисовиче» и, особенно, в «Матренином дворе», и как все теперь затопила идеология — против которой он столько воевал. И ведь прав был, в идеологии ни философии нет, ни нравственности, она и придумывается из своекорыстного интереса («Нравственно то, что на пользу пролетариату»⁴⁹), тогда как искусство живет деталью, которая зачастую больше целого! Чтоб яснее было, сошлюсь на Бакланова. Человек по имени Парцвания⁵⁰ (верно ли пишу?) остается в памяти тем, что приносил еду в термосе и что однажды термос прибыл без Парцвании, забрызганный его кровью. И возникла нравственная дилемма. Не кощунственно ли эту кровь стереть тряпкой, пучком травы, а содержимое раздать по котелкам и съесть за милую душу? И напротив — не кощунственно ли это варево в землю вывалить, когда человек жизнь положил, чтобы его доставить на плацдарм? Такие вот вещи, простые, как библейские тексты, и задают работу для ума.

«Знамя» объявляет Ваш новый роман, ради которого, как я понимаю, Вы и оставили редакторское кресло⁵¹. Пожелаю же Вам молодых сил — и удачи. Перефразируя Суворова, «помилуй Бог, надобна же и удача»⁵².

Как выпущу «Генерала» в «Книжной палате», то, разумеется, подпишу Вам с Эльгой Анатольевной, которой прошу передать мой привет и поклон. Между прочим, она права насчет влияния Гоголя. Люблю его больше, чем Достоевского. Но все же военная проза к нам пришла не из «Тараса Бульбы», а из «Севастопольских рассказов» одного артиллерийского поручика с простреливающим взглядом.

Наташа Вам обоим кланяется.

Ваш сердечно

Г. Владимов

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ – АЛЕКСАНДРУ СОЛЖЕНИЦЫНУ

7 мая 1993 г.

Дорогой Александр Исаевич!

Благодарю Вас за письмо от 24.4. Как всегда у Вас, оно прежде всего информативно: только из него я узнал о соотношении пленных и убитых, о провокациях особистов с пленными немцами.

А на дружеское участие и добрый совет — грех обижаться, тем более что мысль автора в рецензии выглядит и впрямь уплощенно. Да и не могло иначе быть, когда из целого выдергиваешь отрывок, критик из него — цитатки, а газета еще усекает их. У меня же — Гудериан в Ясной Поляне перебирает причины, отчего не удался блицкриг: тут и новинка Т-34, и возня с Киевским котлом вместо рывка на Москву (по плану «Барбаросса»), и эти сонмы пленных, коими русские себе купили время, дотянули до зимы. И как один из немногих, кто понимал, что нельзя с народом так же обращаться, как большевики, «панцер-генераль» винит главнокомандующего (Гитлера), проморгавшего «перемену флага»: вместо снятия социализма выдвинуты святыни национальные, Совдепия с классовой борьбой обернулась — Россией («Пусть вдохновит вас образ великих предков»⁵³ и прочее). В таком контексте и всхлип «Братья и сестры!» к душе приляжет.

Речь Сталина 3 июля⁵⁴ я слушал 10-летним в Харькове, в толпе молодых командиров, вчерашних курсантов училища (где моя мать преподавала русский язык и литературу), а завтрашних мертвецов либо пленных (ни одного я во всю остальную жизнь не встретил!); тут, разумеется, никто репродуктору не грозил, слушали угрюмо — и, как мне теперь кажется, улавливали некое обещание: вот, мол, отобьемся, победим, и все пойдет по-другому... Не так давно «Свобода» ту речь воспроизвела — Боже, ничего этого не было, никаких обещаний, ни удержанных слез, ни сдавленного дыхания, одно сухое бубнение с акцентом... Вот, что с нашим восприятием делало время!

Сходства с 1812 годом, действительно, нет — и Гудериан его не находит, сопоставляя себя с Наполеоном, но, сидючи 26 дней в доме Толстого, невольно об этом думается. Дать же «картину войны» я задачей себе не ставил, один бы кусок ее донести. Однако ж, и Власова я не упустил — только не в Киеве, а под Москвой. Этот отрывок даже «Московские новости» дали полностью — и с портретом командарма-20⁵⁵. И вот это-то и обидно: тема, Вы говорите, стержневая, но, когда уже столько можно о той войне сказать, никого это не интересует, к фронтовикам отношение похабное, иной раз и так говорят им: «Зачем вы Россию спасали от немцев, которые нам теперь помогают, лучше

бы они нас в 41-м завоевали...» Последнее, впрочем, я слышал и здесь — от энтээсовцев.

Хоть и не по теме письма (а может, как раз по теме), но воспользуюсь случаем сказать о «Красном колесе». Прочел у М. Геллера в «Русской мысли», как закономерно автор завершает повествование апрелем 1917-го, когда «уже все ясно»⁵⁶, и было хотел выступить против — ему, историку, может быть, и ясно, а мне, читателю, нет. Но — застеснялся: что же это я буду писателя поучать, где ему ставить точку? А в частном письме оно вроде пристойнее. Я вот что думаю: сосредоточась на Феврале, естественно было Вам отказаться от прежнего замаха в год 1922-й, однако же и в апреле 1917-го «сквозь туман кремнистый путь блестит». Апрельский броневичок, тезисы, балкон Кшесинской — да, это уже начало Октября, это ему принадлежит, но и Февраль, как в армии говорят, еще «не отстрелялся»; хоть и сданы первые траншеи, но еще будет контрудар в июле — ну, и корниловский мятеж⁵⁷! Читая, я предвкушал Ваш корниловский мятеж (путч, если по-нынешнему, или пронунсиаменто) и особенно приглядывался к тем, кому назначено сыграть в этом финале финалов. Да ведь и профессия Воротынцева⁵⁸ наводила на мысль, что последний рубеж будут оборонять военные, вокруг генерала. Вы ссылаетесь на усталость, на возраст, но сдаётся мне, это все внешние объяснения, внутреннее же ощущение — исчерпанности темы. А она — не исчерпана! Это Геллер знает, что Корнилова предаст Керенский, а Крымов⁵⁹ застрелится, мне же, читателю, позволено в этом детективе надеяться на чудесный конец: а вдруг повезет России — и еще все может быть поправлено, спасено! Не знаю, довольно ли внятно я выражаюсь, но хотелось бы, чтобы Вы об этом подумали.

Пожелаю Вам всего наилучшего и трижды — здоровья!

Ваш

Георгий Владимов

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — ГЕОРГИЮ ВЛАДИМОВУ⁶⁰

31.08.1997

Дорогой Георгий Николаевич!

Не хотел я читать Вашего романа в журнальных версиях, ждал отдельного окончательного издания. дождался, прочёл.

Поздравляю Вас! — книга очень значительная, весомая, умная, яркая, многое запомнится навсегда. От первых же страниц — удовольствие читать: настоящая литература, какой (современной) давно не читал. Для такой обширной по содержанию картины — весьма компактная конструкция, нет обвисаний, но тщательно исполнены замыкания всех начатых завязок. Книга несколько раз

поражает как бы самыми неожиданными (а на самом деле имманентными) поворотами: от «Поклонной горы» (дивная сцена) поворот Кобрисова на фронт, и потом орудийный обстрел их «виллиса». Допрос перебежчика из Мырятина — просто кусок живого сердца и мяса — да тема, которой советско-«российская» литература и по-сейчас боится. (По моим многочисленным тюремным встречам — все верно до струнки!) Блистательно и: начавшаяся переправа, команды Шестерикова — и лёжка Кобрисова с медсестрой. (Так и не названной Вами по имени — и хорошо!) И не-расстрел Галишникова (хуже расстрела). Власовская тема, по ее неосвещённости, выдвигается даже вперед общефронтовой. Провидческая встреча с храмом Стратилата (и опять тот же удачный приём: генерал не сразу назван по фамилии) — и вполне убеждает перенос к Гудериану и символическое совпадение моментов наступления нашего и отступления их. И Гудериан — удался. (Когда в советских романах давали немецких высоких лиц — то всегда неживые чучела.) Вижу, что Вам изрядно досталось за всё это в бранных рецензиях, не усмотревших в книге главного. Не обращайтесь на них внимания, книга — навсегда останется в нашей литературе.

По ходу чтения я делал записи, и мог бы ещё многое сказать (среди разрушенного Киева как дивен «Ангел» — Владимир — и получукчевое восприятие Кобрисова), и сам Кобрисов проведён через роман с большим тактом и верностью.

И невозможно не заметить Вашей отличной осведомлённости во фронтовых реалиях (сказалось Ваше «суворовское» воспитание? — а потом вникание, внимание, военные знакомства?) — что в артиллерийском деле, что в танковом, что в авиационном.

Но одно провисание всё-таки есть — это 5-я глава. И в обеих её половинах: в лубянской камере не хватает безвыходности гнёта, тревоги, а камерная болтовня с вяловатым остроумием рыхла (напротив, Опрядкин — и свежо, и очень удался). И — неправдоподобное двухмесячное отступление без соприкосновения с противником (так могло длиться, — ну, 3–5 дней) — и вот тут-то совсем потеряно ощущение армейской массы. (Я испугался, что от этого момента роман сломится, но так — не произошло, стержень восстановился, и вся композиция, едино включившая и декабрь 41 года под Москвой и октябрь 43-го под Киевом, узловые моменты войны.)

Радуюсь Вашему успеху. Желаю ещё следующих! Понимаю, как Вам невыносимо тяжело после Вашей недавней потери. И к тому — неудача вернуться в Россию, что именно Вам-то и тяжело.

Жму руку

Ваш С

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ – АЛЕКСАНДРУ СОЛЖЕНИЦЫНУ

17.11.1997

Дорогой Александр Исаевич!

Извините, Бога ради, что так поздно откликаюсь на Ваше письмо. Датированное 31 августа, оно меня достигло ровно к празднику 7 ноября. Возможно, из-за двойного пересечения Атлантики.

Что сказать? Бесконечно рад, что понравился Вам роман, и это не одними словами выражено, но и всем эмоциональным настроем. Ваше мнение всегда много значило для меня — и поэтому тогда так обескуражило по поводу «Трех минут молчания», которые вроде бы и писать не следовало⁶². Теперь же мне и то приятно было услышать, что Вы не стали читать главы и журнальный вариант, а предпочли дождаться полного текста. Был, значит, серьезный интерес.

По всем главным, узловым моментам Вы отметили как удачу именно то, о чем и мечталось, чтобы понравилось. И скажу с благодарностью (да Вы, впрочем, это и могли заметить), что многие понятия — в частности, по власовской теме и не только по ней — почерпнуты из «Архипелага», который для меня остается настольной энциклопедией. Счастлив, если удалось копилку пополнить.

Критику Вашу принимаю. Не досталось мне жесткого опыта лубяnskих камер, посидеть не пришлось — кроме суворовских трехсуточных карцеров, но там же и повинность была, и точный час выхода, а проникнуться безысходностью заключения без вины — нормальному воображению, может быть, и не дано. По поводу отступления без серьезных схваток с противником — тут бы я отстаивал право на случаи уникальные, так отступала от Каунаса до межозерного дефиле близь Осташкова 11-я армия генерала Озерова, но верны — и огорчительны Ваши слова о потере ощущения армейской массы. То есть потеряна армия, обещанная в заглавии. Я это и чувствовал, да не знал, как преодолеть. Видимо, слишком увлекся идейными спорами Кобрисова с комиссаром, которые не хотелось перемешать жанровыми солдатскими эпизодиками.

Бранные рецензии, конечно, стараешься не принимать всерьез — если это не Богомоллов⁶³, столь для меня неожиданный. Печально, что критика наша — убогая. В одном почтенном органе сказали, что для войны маловато у меня крови и гноя, в другом — обозвали автора «литературным власовцем» (но это, кажется, теперь комплимент?), в третьем «гудерианцем», пресмыкающимся перед немецкими бюргерами, любителями колбас и пива, будто у нас к этому национальное отвращение. Интересно, что еще ведомо критику о Германии?

Тронуло Ваше сочувствие к моей тяжелой потере⁶⁴ и к невозможности (пока) вернуться в Россию. Тут и «Букер» не помог (а

была надежда!), хоть и позволил закончить роман. Ну, как будто ПЕН-клуб наш взялся квартиру выбить.

Кланяйтесь, пожалуйста, Наталии Дмитриевне. Берегите друг друга. Пожелаю здоровья, бодрости, завершения трудов.

Ваш Г. Владимов

Публикация и комментарии Светланы Шнитман-МакМиллин

- 1 Георгий Владимов. Три командарма и ординарец Шестериков // *Грани*, 1985, № 136. С. 5–82.
- 2 Гейнц Вильгельм Гудериан (1888–1954) — генерал-полковник немецкой армии, во время вторжения в СССР — командующий 2-й танковой армией, входившей в состав армий группы «Центр».
- 3 Летом 1983 года Владимовы провели месяц в Голландии, где Георгий Николаевич интенсивно работал над романом.
- 4 Георгий Владимов. Майор Светлоокое: главы из романа «Генерал и его армия» // *Континент*, 1984, № 42. С. 7–59.
- 5 Когда Владимов стал редактором журнала «Грани», он решил изменить зеленый цвет обложки и, начиная с № 135 (1985 год), «Грани» стали выходить в обложке густого синего цвета.
- 6 Аннемари Белль (1910–2004), вдова Генриха Белля. В Айфеле (Eifel) находился летний дом, где Владимов навещал Генриха Белля по приезду в Германию. Л. Копелев и Р. Орлова были очень дружны с Беллем и его семьей.
- 7 Я предполагаю, что Владимов планировал публикацию этих записок, но она не случилась по причине его увольнения из «Граней».
- 8 Марк Поповский. Предел иронии // *Грани*, 1985, № 136. С. 282–288.
- 9 А.А. Курдюмов (Яков Лурье, 1921–1996). В краю непуганых идиотов. — Париж: La Presse libre, 1983. (Книга об Ильфе и Петрове.)
- 10 Юрий Тынянов. Приговор суда — приговор страны // *Литературная газета*, 1937, № 6. С. 5.
- 11 В.И. Ленин. Заявление редакции «Искры», 1902 год. URL: <http://libelli.ru/works/4-1.htm>.
- 12 Илья Сельвинский, точные строчки из стихотворения «Читатель стиха» (1932): «Это великий читатель стиха / Почувствовал боль своего поэта». URL: http://www.poesis.ru/poetiroezia/selvinsky/frm_vers.htm.
- 13 Сам конструктор танка Т-34 Михаил Ильич Кошкин (1898–1940) арестам не подвергался, но по работе над новым вооружением был связан с несколькими шарашками, где работали заключенные специалисты.
- 14 Генрих Белль умер 16 июля 1985 года.
- 15 Владимов относился к А.И. Солженицыну, писателю и человеку, с уважением и почитанием. Он очень внимательно и с огромным интересом читал исторические произведения, и первое издание «Августа Четырнадцатого», и потом полностью «Красное Колесо». Но он считал, что это скорее историко-публицистические тексты, где элементы художественного романа являются вкраплениями в документальное повествование — путь, который при написании «Генерала и его армии» он считал для себя, как романиста, совершенно неплодотворным и даже невозможным из-за недоступности огромного объема архивного материала.
- 16 Владимов имеет в виду немецкое «Fähnrich» — самый младший чин унтер-офицера в прусской армии, в которой в этом чине начинал военную карьеру Гейнц Вильгельм Гудериан.
- 17 Эта деталь была введена в полный текст романа: Георгий Владимов. Генерал и его армия // Георгий Владимов. Собрание сочинений в 4 томах. — М.: NFG/2Print, 1998. Т. 3. С. 80.
- 18 На Нюрнбергском процессе советская сторона хотела переложить на немецкую армию преступления Советского Союза против польских военнопленных и представителей интеллигенции — их было расстреляно почти 22 тысячи в Катыни и близких местах в Польше и СССР в апреле-мае 1940 года. Так как не было доказательств вины Гудериана, он выступал на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля. Он находился в заключении как военнопленный с 1945 по 1948 год, после чего был выпущен на свободу.
- 19 Георгий Владимов. Указ. соч. Т. 3. С. 93–96.
- 20 Повесть Георгия Владимова «Верный Руслан» звучала в эфире с середины сентября до начала октября 1975 года, как мне сообщили из архива радио «Свобода». Читал Александр Виноградов (в то время — псевдоним Юлиана Панича). Вступление сделал Александр Галич. Записи передач «Верного Руслана» осенью 1985 года найти не удалось. Но в феврале-марте 1985 года читались главы из романа «Генерал и его армия» с участием Георгия Владимова.
- 21 Георгий Владимов. Даешь Предславль!: глава из романа «Генерал и его армия» // *Континент*, 1988, № 56. С. 16–65.
- 22 Н.В. Гоголь. Собрание сочинений в 23 томах. — М.: Наука. Т. 1. С. 211: аллюзия на рассказ «Страшная месть»: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света».

- 23 Журнальный вариант романа Георгия Владимова «Генерал и его армия» был напечатан в 4-м и 5-м номерах журнала «Знамя» за 1994 год.
- 24 Издательство «Правда», в типографии которого печатался журнал «Знамя», было переименовано и стало называться «Пресса» в 1991 году.
- 25 А.С. Немзер. Кому память, кому слава, кому темная вода // *Сегодня*, 1994, 17 июня; эта рецензия включена в книгу автора «Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е» (М.: НЛО, 1998. С. 87–89).
- 26 См. того же автора: А.С. Немзер. Одолевая туман: Заметки о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // *Звезда*, 1995, № 5. С. 184–188; ту же статью можно прочесть в монографии автора «Замечательное десятилетие русской литературы» (М.: Захаров, 2003. С. 127–135).
- 27 Текст выступления на «Свободе» входит в публикацию: А.С. Немзер. Опыт свободного вещания // *Волга*, 1996, № 1. С. 170–171. В этой передаче А.С. Немзер резко оспаривал концепцию статьи П.В. Басинского, опубликованной в «Литературной газете» (см. сноску 29).
- 28 Л.А. Аннинский. Спасти Россию ценой России // *Новый мир*, 1994, № 10. С. 214–221.
- 29 П.В. Басинский. Писатель и его слова // *Литературная газета*, 1994, № 24. С. 4.
- 30 В.Г. Бондаренко. Русский реализм Георгия Владимова // *Завтра*, 1994, № 26. С. 7.
- 31 Фильм «Большая руда», снятый режиссером Василием Ордынским (1923–1985) по одноименной повести Георгия Владимова, вышел на экраны в 1964 году.
- 32 Георгий Владимов. Т. 3. С. 36.
- 33 В.Г. Бондаренко. Указ. соч.
- 34 Леонид Решин. Коллаборационисты и жертвы режима // *Знамя*, 1994, № 8. С. 138–179; Георгий Владимов. Новое следствие, приговор старый // Там же. С. 180–187.
- 35 «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза» (листовка) было подписано А.А. Власовым и В.Ф. Малышкиным 27 декабря 1942 года и опубликовано 13 января 1943 года. 27 декабря 1942 года появилась «Смоленская декларация», подписанная А.А. Власовым и В.Ф. Малышкиным, — призыв к советскому народу бороться со сталинским режимом. В «Пражском манифесте» (официально — «Манифест Комитета освобождения народов России», Прага, 14 ноября 1944 года) была сформулирована политическая программа власовского движения. URL: http://militera.lib.ru.docs/0/pdf/1_sb_general-vlasov1.pdf.
- 36 А. Власов, Г. Жиленков, В. Малышкин и другие (всего 12 человек) после закрытого трехдневного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР были повешены в день вынесения приговора 1 августа 1946 года во дворе Бутырской тюрьмы в Москве.
- 37 Лев Андреевич Наврозов (1928–2017) — писатель, переводчик, историк.
- 38 Тимур Кибиров и Дмитрий Пригов разделили Пушкинскую премию фонда А. Тепфера в 1993 году.
- 39 Премия журнала «Знамя» за 1994 год.
- 40 Первая Чеченская война началась 11 декабря 1994 года.
- 41 Георгий Владимов. «Мы живем в стране, где покаяние всегда запаздывало, но никогда не оказывалось лишним». Речь на встрече Старого Нового года и празднике журнала «Знамя» (январь 1995 г.) // *Собрание сочинений*. Т. 4. С. 440–443.
- 42 Эльга Анатольевна Бакланова (урожд. Цукерман; 1926–2017).
- 43 Для самого Владимова роман «Три минуты молчания» оставался самой любимой его книгой. И ему было очень дорого то, что этот роман очень ценил и любил академик А.Д. Сахаров.
- 44 Гейнц Гудериан. Воспоминания солдата. М.: Воениздат, 1954.
- 45 Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897–1968) — Маршал Советского Союза.
- 46 Книга Виктора Некрасова в первой публикации называлась «Сталинград» и была опубликована в журнале «Знамя» (1946, № 8–10). Под этим же названием она вышла в том же году отдельной книгой в издательстве «Московский рабочий». Во всех последующих изданиях она называлась «В окопах Сталинграда».
- 47 Георгий Владимов. Три минуты молчания // *Новый мир*, 1969, № 7–9.
- 48 Всеволод Кочетов. Чего же ты хочешь? // *Октябрь*, 1969, № 9–11.
- 49 Перифраза В.И. Ленина «Для нас нравственность подчинена интересам классово-борьбы пролетариата» из речи «Задачи союзов молодежи» на 3-м съезде РКСМ 2 октября 1920 года. URL: <https://leninism.su/works/80-tom-41/1218-zadachi-soyuzov-molodezhi.html>.
- 50 Персонаж повести Григория Бакланова «Пядь земли».
- 51 Григорий Бакланов. И тогда приходят мародеры // *Знамя*, 1995, № 5; отдельной книгой роман был издан в издательстве «Книжная палата» в 1996 году.
- 52 Вероятно, Владимов перифразирует фразу Суворова «Сегодня удача, завтра удача, помилуй Бог: надобно же немного и ума». См.: Н.А. Полевой. История князя Итальянского. СПб., 1843. С. 312.
- 53 «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков Александра Невского, Дмитрия Донского...». Из речи И.В. Сталина на параде Красной Армии на Красной площади в Москве. 7 ноября 1941 г. // *Известия*, 1941, 9 ноября.
- 54 Выступление 3 июля 1941 года по радио И.В. Сталина — Председателя Государственного комитета обороны, начиналось словами: «Браты! и сестры!».
- 55 Георгий Владимов. Престол Андрея Стратилата // *Московские новости*, 1990, № 14, 8 апреля.
- 56 М.Я. Геллер. Александр Солженицын: писатель на все времена // *Русская мысль*, 1981, № 3361, 21 мая. С. 11.
- 57 Попытка установления военной диктатуры в России в августе 1917 года, которой руководил генерал Л.Г. Корнилов.

- 58 Полковник Воротынцев — один из центральных персонажей романа-эпопеи «Красное Колесо».
- 59 Генерал А.М. Крымов застрелился (по официальной версии) 31 августа 1917 года.
- 60 Авторская орфография и пунктуация А. Солженицына сохранены.
- 61 См. рецензию: А.И. Солженицын. Георгий Владимов — «Генерал и его армия». Из «Литературной коллекции» // *Новый мир*, 2004, № 2. С. 144–151.
- 62 Георгий Владимов. *Собрание сочинений*. Т. 2. С. 392.
- 63 В.О. Богомолов. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия... («Новое видение войны», «новое осмысление» или новая мифология?) // *Книжное обозрение*, 1995, № 19, 9 мая.
- 64 Смерть 26 февраля 1997 года жены Владимирова Натальи Евгеньевны Кузнецовой (1937–1997).